



XXXVII г.

№ 9

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXXVII г.

1906

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. М. Станюковича, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 4-го марта 1906 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за мартъ 1906 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1906 г. съ 35 рис. и отдѣльн. листъ съ 33 черт. выкр. въ натур. велич. и 39 рис. рукодѣльныхъ работъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1906 г. Съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника нивы“, содержащихъ:

Остальныя 30 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. Салтыкова-Щедрина

Н. М. Станюковича.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6 р. 50 к.

Безъ достав-
ки въ
МОСКВѣ въ конторѣ
Н. Н. Печковской,
Петровскія линіи.

7 р. 25 к.

Безъ достав-
ки въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Ришельевская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . .

7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во все мѣст-
ности Россіи. . .

8 р.

За
гра-
ницу. 12 р.

На томъ берегу.

Новелла нашихъ дней.

П. П. Гнѣдича.

I.

Вуокси,—или какъ принято у насъ неправильно на-
зывать,—Вуокса—самая красивая рѣка въ Россіи, а мо-
жетъ-быть, и въ Европѣ. Ея свѣтлыя, прозрачныя, какъ

горный хрусталь, волны сносятъ изъ горныхъ озеръ
такую уйму воды, что мѣстами, тамъ, гдѣ скалистыя
кручи не сжимаютъ ее, она разливается на версту и боль-
ше и затопляетъ веселые зеленые луга, покрытые пе-



Милостивыя государыни и милостивые государи!.. Картина Ф. Реснера, грав. Кирмзе.

строй събью душистыхъ, яркихъ цвѣтовъ. Весною тянетъ съ берега ароматомъ первыхъ ландышей; потомъ—на смѣну имъ—поднимается сладкій запахъ клевера и земляники. Потомъ пряный, густой запахъ сѣна даетъ смѣшанный аккордъ всѣхъ вянущихъ травъ и цвѣтовъ. Въ августъ—идетъ землистый грибной духъ, когда приземистые, крѣпкіе бѣляки пробиваются на откосахъ своими круглыми головками внаружу. А вслѣдъ за ними поднимается легкій, неуловимый, но очаровательный запахъ лиственнаго перегноя осени,—когда опавшая пожелтѣвшая одежда деревьевъ шуршитъ жесткимъ шопотомъ при порывѣ вѣтра, и золотые листья молодыхъ березъ лежатъ по дорогамъ, какъ груды червонцевъ въ кладовыхъ скупого рыцаря—холодной осени.

Я люблю Финляндію за необъятный просторъ ея озеръ, за тихіе разливы сонныхъ заводей, за мощныя, вѣчно-зеленыя сосны и ели, за ея прозрачныя, опаловыя іюніскія ночи,—когда въ полночь небо охвачено блѣдно-розовымъ полымемъ немеркнущаго заката, и на берегу, у теплой водной сырости, можно свободно читать, вслушиваясь въ таинственную, замороженную тишину, только изрѣдка нарушаемую крикомъ коростеля или всплескомъ крупнаго лосося.

Я люблю Финляндію глубокой зимой, когда она вся покрыта пушистымъ, ароматнымъ снѣгомъ. Этотъ снѣгъ при закатѣ горитъ на вѣтвяхъ елей и сосенъ, какъ расплавленное золото. Наверху, между чешуйчатыхъ шишекъ, прыгаетъ, раздувая вѣромъ хвостъ, красавица-бѣлка. Лиса неслышно катится низомъ, поводя своей остроносою хищною мордою. Гигантскій лось, съ цѣлымъ лѣсомъ вѣтвистыхъ роговъ, показываетъ свою допотопную морду изъ чащи молодой поросли. Заяцъ, какъ уторѣлый, мечется изъ-подъ ногъ и летитъ куда-то въ свое укромное логовище, прядая пушистыми ушами и дергая носомъ. Серебряные звонки мягкой трелью звенятъ на уздечкахъ мохнатыхъ коньковъ. Быстро мчатся на лыжахъ стройныя краснощекія дѣвушки въ короткихъ юбкахъ и сѣрыхъ ушастыхъ шапкахъ...

Страна молодая, просыпающаяся,—страна будущаго. Въ прошломъ—у нея только дѣтскія странныя сказки и саги дѣтства...

Въ одномъ изъ самыхъ очаровательныхъ уголковъ Вуоксы, тамъ, гдѣ она, дѣлая крутой заворотъ, омываетъ высокій утесъ, поросшій вѣковыми соснами и березами, изъ-за густой чащи деревьевъ высится, ярко блестя посеребреннымъ наконечникомъ, острая игла. Иногда ея конецъ сіяетъ ослѣпительной звѣздочкой: это солнце играетъ на остріѣ громоотвода. Но что тамъ за зданіе, кто живетъ тамъ, и живетъ ли кто-нибудь—опредѣлить трудно, потому что зеленая заросль береговъ поднялась въ три яруса и закрыла обитель и отъ вѣтровъ, и отъ посторонняго глаза.

У самой воды, внизу, стоитъ чистенькій домикъ дворника. Его тоже обступили старыя березы. Каменная лѣстница ведетъ отъ дома и наверхъ куда-то, въ зеленую чащу, и внизъ, къ пристани, гдѣ на кольяхъ сушатся рыбачьи сѣти и стоятъ два челнока и бѣлая, какъ чайка, шлюпка. Изъ дворничьей неслышно выходитъ высокій усатый чухонецъ въ широкополой шляпѣ, въ высокіхъ сапогахъ, съ трубкой во рту, и, медленно поднимаясь по ступенямъ, уходитъ наверхъ. За нимъ бѣгутъ двѣ самоѣдскія лайки съ лисьими мордами,—и онъ, по вечерамъ послѣ ловли, кормитъ ихъ живыми пескарями. Отъ дворничьей тянется подъ лѣстницей телеграфная проволока, и иногда въ домикѣ звонитъ условно колокольчикъ разъ, два и три.

На солнечномъ скатѣ горы, спускающейся къ полю, за высокой рѣшеткой раскинулся огородъ. Издали видны яблони, вишни; видны гряды, должно-быть, клубники. Иногда блестятъ стекла парниковъ, и что-то тамъ зрѣетъ. На зарѣ слышно, какъ поютъ на разные голоса пѣтухи,

и имъ гдѣ-то далеко черезъ рѣку откликаются зарѣчные соперники. Порою подбѣгаетъ къ берегу гигантскій догъ, входитъ по брюхо въ воду и пьетъ долго и со вкусомъ, звонко прищелкивая языкомъ. Въ опредѣленный часъ, густымъ серебрянымъ призывомъ проносится голосъ японскаго гонга: кого-то зовутъ, кому-то напоминаютъ, что пора въ домъ. Въ тихій вечеръ слышны сухіе удары молотковъ крокета, иногда стукъ ручного топора и трескъ падающаго дерева. Порою раздается рядъ револьверныхъ выстрѣловъ и отчетливый звукъ франкота—дальнобойнаго ружья.—Очевидно, чья-то жизнь тамъ теплится, хотя ничьи лодки никогда не пристають къ берегу, гдѣ значится на большой доскѣ надпись по-фински: „входа нѣтъ“.

Я жилъ накомъ черезъ рѣку, противъ этого страннаго мѣста, и крутой мысъ все время былъ передъ моими глазами. Онъ имѣлъ странное свойство. Когда небо было пасмурно, и сырая облака бѣжали надъ рѣкою,—онъ казался чернымъ, мрачнымъ, насупленнымъ,—и вороны съ особенной любовью кружились съ карканьемъ надъ нимъ и садились на вершины елей. Но стоило показаться солнцу, какъ тотъ же утесъ загорался праздничными красками. Молодая зелень порослей весело играла на фонѣ елей; разноцвѣтные блѣдные мхи, казалось, мягкими коврами прикрывали откосы, и песчаный берегъ дѣлался красноватымъ, а веселый лай собакъ говорилъ о томъ, что онѣ гдѣ-то тамъ играютъ и носятся другъ за другомъ.

Первыя свѣдѣнія о странномъ обиталищѣ я получилъ отъ Эвы, финки, что носила мнѣ землянику и немного говорила по-русски.

— Тамъ живутъ?—спросилъ я, указывая на утесъ.

— Та, сивутъ.

— Кто же?

— Не снаю.

— Вы не носите туда ягоды?

— Носу.

— Кто же у васъ ихъ беретъ?

— Рислуга.

— Развѣ кромѣ прислуги никого нѣтъ?

— Коспотъ есть.

— А вы ихъ не видали?

— Нѣтъ.

— А домъ какой?

— Вилла. Собакъ много. Куръ много. Корова.

— А какъ фамилія господъ?

— Не снаю.

— Какъ же это мѣсто называется?

— Коскинемми.

— А зимой живутъ здѣсь?

— Нѣтъ, не сивутъ.

Вотъ все, что я узналъ на первый разъ,—недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ я поселился въ этомъ краѣ.

II.

Однажды, въ полночь, я сидѣлъ на камнѣ и слѣдилъ за игрою опаловыхъ пятенъ на небѣ и на водѣ. Блуждая взглядомъ по берегамъ, вдругъ я замѣтилъ на лѣстницѣ, ведущей къ рѣкѣ, какую-то длинную бѣлую фигуру, въ чемъ-то въ родѣ савана, съ круглой бѣлой головой, медленно спускающуюся сверху. Фигура шла тихо, шагъ за шагомъ, не сгибаясь, какъ тѣнь Банко. Со мной былъ бинокль. Но и съ помощью его нельзя было разобрать, что это такое: въ сумеркахъ алой ночи вмѣсто лица казался какой-то желтый костякъ съ двумя черными впадинами. Фигура спустилась къ шлюпкѣ. Слышно было, какъ шелкнулъ замокъ, какъ загромыхала брошенная на дно лодки цѣпь. Потомъ шлюпка отчалила, повернула и медленно, вдоль самаго берега поплыла куда-то вверхъ по теченью. Всплески веселъ становились все тише и, наконецъ, замолкли.

Послѣдъ каждый день привозилъ газеты. Я шелъ на станцію и тамъ неизмѣнно каждый день встрѣчалъ двор-

ника съ лайкой. Онъ тоже получалъ газеты и всегда, по финскому обычаю, со мной кланялся. Но когда я попробовалъ съ нимъ заговорить, то онъ быстро прервалъ меня:

— Я плохо понимаю, не могу каварить.

Наконецъ я встрѣтился съ призракомъ.

Это было въ теплый вечеръ, на закатѣ. Съ поля пахло кашкой и какой-то сладкой травой. Я причалилъ къ отмели, взшелъ на бугорокъ, къ развѣсистому дереву, вокругъ котораго разрослась загложная малина, и легъ въ траву. Отовсюду на меня смотрѣли кругленькія наливныя ягоды земляники, и кое-гдѣ еще бѣлѣли ея нѣжные цвѣточки. По спокойному небу спокойно плыли жемчужныя съ фіолетовыми подпалинами облака; надъ тростниками уже начали свой перелетъ утки, стрѣкозы тянули скрипучую пѣсню. Было хорошо до истомы, до боли.

Вдругъ послышалось съ боку какое-то шуршанье, и неожиданно изъ-за малинника показалась фигура моего сосѣда.

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, съ строгимъ, худымъ лицомъ и сѣдѣющей короткой бородой. На немъ былъ пробковый шлемъ, длинный до пятъ хитонъ изъ шелковистой рубчатой матеріи. Мнѣ показалось, что онъ былъ босъ, хотя ногъ не было видно въ густой травѣ. Глаза наши встрѣтились. Онъ смотрѣлъ холодно и зорко черезъ небольшіе очки, плотно сидѣвшіе на его тонкомъ носу.

— Здѣсь нельзя,—вдругъ сказалъ онъ груднымъ баритономъ.—Я васъ прошу: здѣсь нельзя.

— Извините,—возразилъ я:—я не зналъ...

— Да, да,—повторилъ онъ.—Въ Финляндіи вообще, милостивый государь, не принято ходить по чужой землѣ. Не принято.

Я всталъ, сунулъ въ карманъ книгу и пошелъ къ лодкѣ.

— Правѣе,—крикнулъ онъ мнѣ вслѣдъ:—правѣе, тутъ вы примнете и притопчете земленику,—она вѣдь не ваша. Еще правѣе, еще! Теперь прямо. Да, да...

Онъ наблюдалъ, какъ я вошелъ въ лодку и оттолкнулся.

— И я васъ прошу,—началъ онъ снова:—настоятельно прошу, даже требую,—чтобъ вы и въ другой разъ не высаживались на мои луга. Я здѣсь совершенно не ручаюсь за вашу безопасность. Во-первыхъ, здѣсь часто гуляетъ догъ, безъ намордника, и чужихъ не любитъ, а во-вторыхъ, я нерѣдко стрѣляю здѣсь въ цѣль, а пуля летитъ на тысячу шаговъ,—я никогда не поручусь...

Я его больше не слушалъ и быстро отогналъ лодку отъ берега.

— Возьмите выше!—вдругъ раздался его голосъ:—здѣсь, противъ вѣхи, что стоитъ на берегу, есть подводный камень. Вы можете на него налетѣть. Вообще у этого берега есть опасныя мѣста, и я вамъ не совѣтую...

Дальше не было его слышно.

Едва я пріѣхалъ домой, мнѣ сказали, что пришелъ дворникъ съ виллы и принесъ пакетъ. На конвертѣ надписи не было. Я вскрылъ его; тамъ, аккуратно сложенный, лежалъ мой носовой платокъ, и на клочкѣ бумаги карандашомъ было написано:

„Очевидно, вашъ. Лежалъ подъ деревомъ. Возвращаю по принадлежности“.

Я вынулъ монету въ двѣ марки и велѣлъ ее отдать дворнику, но мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ. Я взглянулъ въ окно. Его челнокъ, едва возвышаясь бортомъ надъ водою, стрѣлою летѣлъ по теченью, направляясь къ высокому мысу.

Сосѣдъ былъ несомнѣнно русскій. Говоръ его былъ совершенно лишень акцента,—манеры и рѣчь были властныя. Это была не та дѣланная властность, которую проявляютъ надъ сторожами экзекуторы департаментовъ,—не тотъ бѣшеный крикъ, которымъ брандмейстеры управляютъ на пожарахъ своей командой. Это была та

свободная увѣренность въ своемъ правѣ повелѣвать, съ какой лоцманъ ведетъ судно между рифовъ. Такое выраженіе лица, особенно глазъ, вырабатывается при полномъ сознаніи своихъ силъ,—что такъ рѣдко встрѣчается именно среди насъ, гдѣ всѣ мы какіе дряблые и неуверенные въ своей силѣ. Онъ меня спровадилъ съ своей земли, какъ законный ея владѣтель,—спокойно и властно. Онъ не остановился бы, если бы вмѣсто меня подъ деревомъ лежалъ дюжій босаякъ. Я думаю, что у него, гдѣ-нибудь въ карманѣ хитона, непременно былъ револьверъ.

— Ну, и чортъ съ нимъ!—рѣшилъ я.—Пусть побольше будетъ такихъ спокойныхъ сосѣдей. По крайней мѣрѣ, я тоже гарантированъ отъ непрошеннаго любопытства.

III.

Но какъ бы то ни было, все время передъ моими глазами, въ теченіе всего лѣта,—стоялъ противоположный берегъ, и отзвуки его жизни, такъ или иначе, тревожили меня.

Пока звуки ограничивались лаемъ собакъ и пѣніемъ пѣтуховъ,—было еще ничего. Я жилъ мирно—чужихъ полей не посѣщалъ и кромѣ дворника никакихъ двуногихъ существъ не видѣлъ.

Но разъ произошло нѣчто, заставившее меня задуматься.

Мимо меня, совсѣмъ близко отъ берега, плыла лодка. Въ лодкѣ сидѣлъ мой сосѣдъ,—но съ нимъ произошла странная перемѣна. Во-первыхъ, онъ былъ обритъ,—а, во-вторыхъ, онъ сталъ гораздо меньше ростомъ. Онъ смотрѣлъ на меня, и не черезъ очки,—а дальнорычкими сѣрыми глазами. Глаза были тѣ же, что смотрѣли тогда изъ-подъ очковъ, но въ то же время они напоминали мнѣ что-то давно прошедшее и знакомое. На немъ былъ пиджакъ и цвѣтная рубашка; лѣтъ ему было столько же, какъ и тому, что былъ въ полѣ. Равнодушно посмотрѣвъ на меня, онъ проѣхалъ мимо.

Я сѣлъ въ лодку и поплылъ вслѣдъ за нимъ. Онъ поднялся вверхъ по рѣкѣ на полкилометра и присталъ у сторожевой будки. Отсюда дорожка поднималась въ гору и мимо какой-то виллы добѣгала до широкой аллеи, ведшей на станцію. Я причалилъ тоже и пошелъ слѣдомъ.

У самой станціи я его догналъ. Теперь было внѣ всякаго сомнѣнія, что сосѣдъ уменьшился въ ростѣ, по крайней мѣрѣ, на полъ-аршина. Плечи у него стали шире, походка развалистѣе. Я прошелъ мимо него. Онъ покосился на меня, но не изъясилъ ни малѣйшаго желанія поклониться.

Я прошелъ въ станціонный буфетъ и сѣлъ въ углу, у раскрытаго окна, въ которое глядѣлись пахучія сирени и млѣли въ вечерней истомѣ. На вѣткахъ прыгали воробей и неистово чирикалъ. Я взялъ стаканъ чая и сталъ слѣдить за толпой пассажировъ, сошедшихъ съ только-что прибывшаго изъ Іенеу поѣзда. Рядомъ столъ былъ свободенъ—единственный въ залѣ.

Случай привелъ сюда двоихъ. То былъ мой сосѣдъ и какой-то загорѣлый худосочный человѣкъ въ маленькой жокейской шапочкѣ. Имъ дали пива.

— Такъ когда же?—спрашивалъ мой сосѣдъ.

— Погоди,—сказать трудно.

— Въ концѣ лѣта?

— Можетъ, и въ концѣ, а можетъ, и осенью.

— У меня мѣста мало.

— Мѣсто найдемъ.

— А двигается дѣло?

— Чего-жъ ему не двигаться? Хотя раскатать трудно. Застыли.

— А въ Петербургѣ давно былъ?

— Недѣлю назадъ.

— Что же?

— Ничего. Болото.

— А все же колышется?

— Колышется-то, колышется...



Любовь жаждет победы. Картина К. Хен-Вуда, авт. «Нивы».



Въ тяжелую минуту. Картина Альфреда Гюлью, авт. «Нивы».

Къ нимъ еще подошелъ третій, рѣзкаго кавказскаго типа.

— Ты, Арутиніанцъ, куда?—спросилъ худосочный.

— Туды же, милый другъ, куда и ты. Зачѣмъ глупости спрашиваешь?

Они понизили голосъ и заговорили шопотомъ. Я всталъ, расплатился и вышелъ. Загадка оставалась загадкой. Поѣздъ тронулся и, обгоняя меня, прокатилъ мимо, все окутывая бѣлымъ душистымъ паромъ. Въ Финляндіи еще не топятъ паровозовъ нефтью, — и воздухъ еще не зараженъ этой южной копотью.

У лодокъ мы почти сошлись. Солнце сѣло, и съ воды поднимались сѣдые туманы. Онъ пошелъ впередъ меня, — я саженьяхъ въ пятнадцати сзади. Берегъ еле видѣлся изъ-за клубовъ радужнаго пара. Чтобъ не сбиться съ пути и не попасть подъ пароходъ, мы плыли зигзагомъ, вдоль извилистой линіи береговъ. Мы слышали взаимно всплескъ нашихъ веселъ, но шлюпокъ не видѣли, — такъ густы и непроницаемы были эти испаренія.

Мы уже дошли до обрыва со старыми елями, когда оба, словно по сигналу, перестали грести. Пронизывая туманъ, чей-то чистый, высокій голосъ пѣлъ:

Ночь тепла,
Ночь тиха,
Не могу я уснуть...

Вдругъ чѣмъ-то старымъ, знакомымъ пахнуло на меня. Сочетаніе звука и только-что видѣннаго лица моего со-сѣда слилось въ одно, — и я, неожиданно самъ для себя, воскликнулъ:

— Дефлорье!

IV.

А припомнилось мнѣ вотъ чтò.

Лѣтъ двадцать назадъ, подъ вечеръ, на югѣ Россіи, — скакалъ я на тройкѣ, думая къ ночи добраться до своего стараго пріятеля. Вдругъ налетѣла гроза, да съ такимъ ливнемъ, что дорога сразу превратилась въ рѣчку. Изъ карьера мы перешли на рысь, потомъ на шагъ, наконецъ — стали.

— Тутъ одинъ результатъ, — заявилъ мнѣ ямщикъ: — надо къ Ѳедоръ Адамычу ѣхать!

— Къ какому Ѳедоръ Адамычу?

— Господину Каплѣ.

— А гдѣ же живетъ Капля?

— А вона заборъ и тополя, — это ихняя усадьба.

— Да я его не знаю.

— Ничего не значить. Они человекъ обстоятельный, и даже имъ будетъ пріятность.

— Какъ фамилія?

— Капля. Просто Капля, — и все тебѣ.

Въ это время огненный змѣй гдѣ-то съ трескомъ вонзился въ землю, и точно сорокъ бочекъ сразу разорвалось на части. Лошади шархнулись въ сторону.

Я велѣлъ везти къ Каплѣ.

Флигелекъ былъ малообщающій, одноэтажный, — но зато стоялъ на огромномъ дворѣ и былъ окруженъ цѣлой стаей служебныхъ построекъ. Навстрѣчу выскочилъ шустрый казачекъ.

— Нельзя ли бурю переждать? — спросилъ я.

— Можно.

— Ты барину доложи.

— Можно. Входите, что ли, въ прихожую.

Я былъ сравнительно сухъ, такъ какъ коляска почему-то на этотъ разъ обладала крѣпкимъ кожанымъ верхомъ. Мальчикъ пошелъ въ комнаты съ моей карточкой и сейчасъ вернулся.

— Просятъ.

— Это домъ господина Капли?

— Нѣтъ-съ, это домъ садовника, а живетъ здѣсь Ѳедоръ Адамычъ, потому что домъ господскій сгорѣвши.

Я вошелъ въ большую комнату, переполненную диванами, креслами и шкапами; навстрѣчу мнѣ поднялась громадная фигура въ черкесскомъ бешметѣ, съ черной

бородищей, широкими вершковыми бровями и сочными красными губами.

— Вымокли? — добродушно сказалъ онъ, и я почувствовалъ, какъ рука моя очутилась въ огромной теплой лапѣ. — Очень радъ. Помѣщикъ Капля... Садитесь. А мы тутъ въ безикъ дуемся.

Противъ него сидѣлъ широколобый малый лѣтъ тридцати, въ люстриновомъ пиджакѣ и бритый, какъ актеръ. Онъ посмотрѣлъ на меня, но не поклонился, а только выморкался въ желтый платокъ. Хозяинъ тоже не знакомилъ меня, а повторилъ:

— Садитесь.

Я сѣлъ на диванъ подъ зеркало и увидѣлъ, что столъ, за которымъ они сидѣли, — былъ весь инкрустированный, XVIII вѣка.

— Вы извините, мы сейчасъ кончимъ и будемъ ужинать, — продолжалъ Капля. — На столики смотрите? Да, это еще моего дѣда, — вещь на совѣсть... Ну-ну, шевелись, monsieur Дефлорье! Вы не знакомы? Познакомьтесь.

Дефлорье посмотрѣлъ на меня, какъ попугай, однимъ глазомъ и шаркнулъ подъ стуломъ ногами.

— Будемъ ужинать, — продолжалъ Капля: — потомъ хотите — ночуйте, хотите — уѣзжайте. У меня все равно, чтò постоянный дворъ. Вы изъ Петербурга? Подлый городъ.

Я спросилъ, почему подлый.

— Тамъ вся моя родня.

Аргументъ былъ довольно вѣскій.

— А вотъ у жены — вся родня въ Москвѣ. Тамъ еще подлѣе. Только о мошнѣ думаютъ. У васъ бюрократы, а въ Москвѣ толстосумы.

— А здѣсь въ городѣ одни идіоты, — подтвердилъ m-r Дефлорье: — кретины, толстоумы.

— Играй, играй, не разговаривай, — остановилъ его хозяинъ. — Начнешь острить — точно пробкой по стеклу водишь, такъ же смѣшно.

— Да я вовсе не острою, — обидѣлся бритый.

— Торопись, торопись, — гостя кормить надо. Ѳекулка! Ѳекулка! — вдругъ грянулъ хозяинъ такимъ голосомъ, что стекла звякнули.

Казачокъ просунулъ голову въ двери.

— Чего? — спросилъ онъ.

— А вотъ того. Скажи барынѣ — проѣзжій изъ Петербурга. Если она хочетъ на него посмотрѣть, пусть приходитъ, или его къ себѣ беретъ. Да вели въ ледъ шампанскаго поставить на радостяхъ.

— На какихъ радостяхъ? — осведомился я.

— А вы пріѣхали, — какъ же не радость.

— Какая же это радость?

— Ну, все-таки...

«И будешь ты царицей міра!...»

— вдругъ запѣлъ онъ, и даже не фальшивя. — Что, братъ? Не везетъ? Всегда не везетъ!..

«И будешь ты царицей міра!...»

Такъ-то матушка, такъ-то... У меня вѣдь голосъ боо-ольшущій, — меня все на сцену зовутъ.

— Ну, и что же? — спросилъ я.

— Ужъ очень я волосатъ, никакой гримъ не возьметъ.

— Вамъ бы въ протодыконы, — замѣтилъ Дефлорье. — У васъ хорошо бы выходило. Кверху шло бы спиралью, потомъ въ куполъ бы ударилося, а оттуда мелкими пташками, мелкими пташками такъ и посыпалось бы.

V.

Вошелъ казачокъ и предложилъ мнѣ идти къ барынѣ.

— А какъ зовутъ барыню? — спросилъ я его по дорогѣ.

— Эмилиа Павловна.

— Нѣмка?

— Нѣтъ: онъ не нѣмка... А такъ... неизвѣстно.

На видъ небольшой, домикъ вмѣщалъ въ себѣ необъятное количество комнатъ. Должно-быть, онъ шелъ фасадомъ внутри сада. Мы прошли столовую, всю въ старин-

ныхъ буфетахъ, заставленныхъ серебромъ, и вошли въ бѣлую залу, посрединѣ которой стоялъ рояль.

— Здѣсь садовникъ жилъ?—удивился я.

— Онъ тамъ,—объяснилъ казачокъ, мотнувъ головой назадъ:—а это весной пристроили.

— А отчего ты хромаешь?—спросилъ я.

— Лошадь укусила.

— Съ чего же это она?

— Баринъ на кордѣ въ манежѣ гонялъ и велѣлъ мнѣ сѣсть, чтобъ я лошадей не боялся, и ноги подъ брюхомъ связалъ... А она, подлая, какъ хватить...

— А у васъ манежъ?

— Да, у насъ семьдесятъ лошадей... Заводъ.

Въ маленькомъ будуарчикѣ, обитомъ турецкой матеріей, сидѣла крохотная женщина лѣтъ восемнадцать, съ черными усиками на верхней губѣ и въ какомъ-то японскомъ керимонѣ.

— Вотъ онѣ,—сказалъ казачокъ.

Не знаю, къ кому относилась эта рекомендація, ко мнѣ или къ хозяйкѣ; но онъ повернулся и ушелъ.

Хозяйка посмотрѣла на меня внимательно, встала съ тахты, протянула руку и сказала:

— Ну, вотъ...

Потомъ она засмѣялась и пригласила:

— Сядьте.

Я посмотрѣлъ,—сѣсть было негдѣ; всѣ стулья и табуреты были заняты книгами: она ихъ, очевидно, разбирала.

— Садитесь рядомъ,—проговорила она и сама сѣла, поджавъ ноги.—Я грозы боюсь, такъ у меня лампы горятъ и гардины спущены. У меня пишки на вискахъ напухаютъ, когда гроза начинается,—и такъ тяжело-тяжело. Вы ночуете?

Я сказалъ, что не знаю, что все зависитъ отъ погоды, что вообще мнѣ такъ неловко, и что я извиняюсь.

— Это вы бросьте,—сказала она.—У насъ не извиняются. Комнатъ много,—хоть цѣлую роту можно помѣстить. А вотъ прежде былъ домъ, что сгорѣлъ, тотъ, знаете, былъ такой большой, что тамъ цѣлый батальонъ помѣстился бы.

— А отчего онъ сгорѣлъ?

— Да такъ сгорѣлъ... Отъ печки. Стрекнуло, и загорѣлся. Попугай сгорѣлъ. Его больше всего жалко.

— Хорошій былъ?

— Да. Все говорилъ: „охъ, господа, не зарывайтесь, какъ бы не плакать“. Такой смѣшной. А сгорѣлъ,—мы всѣ плакали.

— И мужъ вашъ?

— Нѣтъ, онъ не плакалъ. А казачокъ плакалъ, и Приска.

— Какая Приска?

— Я изъ Тифлиса привезла горничную.

— А вы тифлисская?

— Да. У меня отецъ тамъ и посейчасъ живъ. Онъ музыкантъ.

— И вы музыкантша?

— Нѣтъ, я пою. Оединька пріѣхалъ къ намъ по дѣламъ и у мамы пѣнью учился. Мама у меня mezzo-soprano. А потомъ меня увидѣлъ,—я въ гимназію ходила, и сдѣлалъ предложеніе. Онъ такой большой,—я такая маленькая. Мамаша говоритъ: да вѣдь вы подъ руку ходить не можете. А онъ говоритъ: и не надо,—я ее на рукахъ носить буду. Папа тоже не хотѣлъ. Тогда я изъ окна вылѣзла, онъ меня посадилъ въ фаэтонъ и въ Душетъ увезъ, тамъ и вѣнчались. А потомъ мы пріѣхали назадъ. Папа у меня строгій, кричать на насъ началъ, а Оединька вдругъ хватилъ ладонью по столу и завопилъ:—„Помолчите одну минутку“. И мамаша визжать перестала. А Оединька и говоритъ: „Олухи вы царя небеснаго: вѣдь я богаче всѣхъ вашихъ армяшекъ. Вѣдь у меня три илѣны да два милліона денегъ“.—Ну, и всѣмъ весело стало, и шампанское начали пить. Три дня свадьбу праздновали,—дымъ шелъ коромысломъ.

Ну, а потомъ сюда пріѣхали. Кажется, я все рассказала... Теперь вы рассказывайте.

— Да что же мнѣ рассказывать?

— А вотъ, какъ вы попали сюда.

— Вѣхалъ къ Камышлову, непогода застала, ямщикъ уговорилъ къ вамъ заѣхать.

— Камышловъ — онъ красивый, — замѣтила она:—только мало въ немъ мужчины. Все что-то жеманится... Не люблю такихъ.

Въ сосѣдней комнатѣ забренчали тарелки.

— Вотъ и ужинъ накрываютъ,—обрадовалась она.—Васъ занимать не надо будетъ.

— Да вы не трудитесь.

— Оединька велѣлъ... А я тутъ книги разбирала. Я очень французскіе романы люблю. Я и по-итальянски хорошо говорю. Моя мамаша итальянка. Я похожа на итальянку?

— Да, пожалуй.

— У меня ротъ большой, какъ у всѣхъ итальянокъ. Когда пою, разѣваю его такъ, что страшно дѣлается.

Казачокъ появился въ дверяхъ.

— Сами въ кладовую пойдете?—въ поль-оборота спросилъ онъ.

— Извѣстно, сама!—откликнулась она.—А то опять вы стянете банку чернослива, какъ прошлый разъ.

— Ужъ и банку,—проворчалъ онъ.

— Вы пойдите одни,—сказала она, спрыгивая съ дивана.—Можетъ, мыться хотите? Оедулка, вы бы свели его въ угловую, а я пойду съ Приской. Да посмотрите, все ли тамъ на мѣстѣ.

VI.

Оедулка опять меня повелъ куда-то въ бокъ. Мы вышли на открытую галлерею. Почти совсѣмъ стемнѣло, и дождь урчалъ по желобу съ ожесточеніемъ. Молнія вспыхивала протяжно, точно вздыхала. Громъ гремѣлъ нехотя, иногда задумываясь и потомъ съ трудомъ дотягивая свой раскатъ. Теплая благоуханная сырость стояла во всѣхъ углахъ галлереи.

— Теперь надолго зарядитъ!—сокрушенно замѣтилъ Оедулка про дождь.

— Почему надолго?—спросилъ я.

— Да пузыри на лужахъ стоятъ. Это ужъ примѣта извѣстная.

Въ комнатѣ, которая въ самомъ дѣлѣ была угловой, потому что въ ней съ двухъ сторонъ чернѣлись окна, стояла старинная кровать краснаго дерева съ золотомъ, соломенные ширмы, и на стѣнкѣ была литографія вихрастаго господина съ четырьмя котильонными звѣздами, лентой и съ подписью по англійски: „Принцъ-регентъ Георгъ“. Какъ онъ сюда попалъ—невѣдомо.

Я умылся съ помощью Оедулки, соединявшаго въ себѣ проворство съ необычайной мрачностью, такъ что я даже справился, въ порядкѣ ли у него желудокъ.

— Чего желудокъ!—огрызнулся онъ.—Гоняютъ, какъ собаку, весь день. Спишь походя.

Чтобъ онъ смягчился, я далъ ему рубль. Но это не помогло. Онъ сунулъ бумажку въ шаровары и даже не поблагодарилъ.

— А только ежели ночевать останетесь, — сказалъ онъ:—такъ я васъ въ китайскую комнату сведу.

— Зачѣмъ въ китайскую?

— А тутъ блохи.

— Кто-жъ ихъ развелъ?

— Да кто ихъ знаетъ... А въ китайской полковникъ стоялъ, такъ персидской ромашкой ихъ вывелъ. Чисто-плотный.

Онъ усмѣхнулся и неодобрительно повелъ носомъ.

Въ комнату вошла борзая и равнодушно на меня посмотрѣла своими глупыми глазами.

— Вотъ она, подлая, въ этой комнатѣ на кровати спать,—сообразилъ онъ.—Черезъ окно прыгаетъ. Ужъ съ нея шкуру за это спускали,—а она опять...

Вдали свистнули, сука быстро повернулась и бросилась на зовъ.

— Альма!—ревѣлъ вдали Оединька:—иди сюда, Альма!

— А это кто бритый? Какъ его,—Дефлорье?

— Онъ изъ поповичей.

— Не актеръ?

— Съ женой познакомились?—спрашивалъ онъ на ходу.—Все на сцену просится. Я такую сцену ей покажу! Небойсь, я самъ на сцену не хотѣлъ бы?.. Однако не иду. Впрочемъ, голосъ у нея хорошій.

Въ столовой былъ накрытъ столъ на четверыхъ. Онъ сверкалъ и сіялъ хрусталемъ и серебромъ,—точно сва-



На стражѣ. Картина Карла Циммермана. гравюра Гедана.

— Можетъ, и актеръ. Господскаго мало. Такъ—шарлатанъ, художникъ какой-то.

Раздались шаги, отъ которыхъ трещали и гнулись половицы.

— Готовы?—забасилъ Капля. — Ну, и ладно, — пойдемте за трапезу.

Онъ взялъ меня подъ руку—и опять запѣлъ:

Тебя я, вольный сынъ эфира,
Возьму въ надзвѣздные края...

Онъ повлекъ меня въ столовую.

дебный пиръ. Пудовыя канделябры горѣли на буфетахъ. Хозяйка была уже тутъ, и тутъ же вертѣлась Приска, шлепая босыми ногами по полу.

— Миль! наливай!—скомандовалъ Оединька.

Эмилия взяла граненый графинище и наполнила изъ него какой-то желтой жидкостью серебряныя дѣдовскія чарки,—въ каждую изъ нихъ входило по доброму стакану.

— Выпьемъ за свое здоровье!—продолжалъ хозяинъ.— Господи, благослови!

Онъ втянулъ въ себя воздухъ и сказалъ:



Царь-Освободитель. Къ 25-лѣтію дня мученической кончины.

— Не обожгитесь.

— Да, зелье!—подтвердил Дефлорье, потирая руки и запуская один глаз в чарку.

Я попробовалъ, — въ самомъ дѣлѣ это было что-то обжигающее. Кожа на губахъ стягивалась отъ одного прикосновения.

— Нѣтъ, ужъ вы не задумывайтесь!—предупредил хозяинъ.—Я очень васъ объ этомъ попрошу.

И онъ шагнулъ ко мнѣ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что мнѣ ничего больше не оставалось, какъ опшарить себѣ горло. Свѣчи даже какъ-то завертѣлись передо мной, какъ отъ удара землетрясенія.

— Повторять не будемъ,—предупредилъ Ѳединька:—

а вотъ я вамъ рекомендую теперь смазать горло этой донской икоркой. Амброзія!

— Да, это я вамъ скажу!—опять подтвердил Дефлорье.

— Борщокъ несутъ, борщокъ несутъ,—запѣлъ Капля:—борщокъ, борщокъ несутъ!.. Ну, сядемъ. Господи, благослови!

Онъ широко перекрестился, отодвинулъ дубовый стулъ и грузно на него опустился.

— Итакъ, гость дорогой,—сказалъ онъ:—чѣмъ Богъ послалъ, не осудите.—Милька! слѣди, чтобъ онъ ѣлъ и пилъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дарь-Освободитель.

1 марта 1881 г.—1 марта 1906 г.

(Портретъ на стр. 137).

1 марта исполнилось ровно двадцать пять лѣтъ со дня мученической кончины Царя-Освободителя.

Многіе петербуржцы, навѣрное, до сихъ поръ ясно помнятъ этотъ день, это ужасное «первое марта», послѣ котораго не только газеты стали выходить съ траурной рамкой, но траурная кайма легла вокругъ всѣхъ проявленій общественной и государственной жизни и отдѣлила черною рѣзкою гранью начавшійся-было общественный подъемъ и расцвѣтъ отъ послѣдовавшей затѣмъ реакціи.

Трагическая кончина императора Александра II какъ громомъ поразила всю Россію. Слишкомъ чудовищно, слишкомъ варварски жестоко былъ сраженъ онъ, и общественная мысль долго не могла освоиться съ фактомъ такого безпримѣрнаго посягательства. Благодаря насильственному перерыву жизни Александра II, почти всѣ его начинанія остановились въ своемъ развитіи, и естественный ростъ реформъ надолго задержался. Задержалось и участіе народа въ управленіи страной, участіе, которое было близко къ осуществленію уже тогда, но которое мы получили лишь 17 октября истекшаго года. Задержалось развитіе аграрной реформы, въ сущности, только начатой въ 1861 году. Задержалось и многое другое изъ того, что было такъ блестяще начато въ царствованіе Царя-Освободителя. Много великаго зла принесла Россіи его трагическая, насильственная кончина!

Если мы окинемъ взоромъ исторію Россіи, начиная съ Петра Великаго, то трудно будетъ найти другую эпоху, болѣе богатую *внутреннимъ* содержаніемъ, чѣмъ эпоха царствованія императора Александра II.

Бывали въ нашей исторіи моменты яркаго творчества, моменты эффектныхъ апофеозовъ, но то были преимущественно внѣшніе эффекты, чаще всего освѣщенные кровавымъ заревомъ войны. Немало такихъ эффектовъ было въ царствованіе Екатерины II, затѣмъ въ эпоху французскаго нашествія. Съ внѣшней стороны Россія тогда торжествовала, но внутри ея, въ ея сердцѣ было тихо и мрачно. Народъ безмолвствовалъ, сердце его билось едва слышнымъ темпомъ, онъ почти не принималъ участія въ жизни страны, потому что былъ придавленъ вѣковымъ рабствомъ, гододалъ духовно и тѣсно и пребывалъ въ вѣковой спячкѣ.

Но вотъ прогремѣла несчастная, хотя и поэтически-геройская осада Севастополя. Общественное сознание, получившее, благодаря этой войнѣ, изрядный толчокъ, встрепенулось. Поднялись новые запросы, началась впервые на Руси общественная переоцѣнка цѣнностей. Сердце народа забилося сильнѣе.

Тогда-то и вззошелъ на тронъ императоръ Александръ II. Одаренный необычайно мягкимъ сердцемъ и чуткою душою, воспитанный такихъ гуманныхъ, такихъ превосходныхъ педагоговъ, какъ К. К. Мердеръ и В. А. Жуковскій, молодой государь ко времени своего востшествія на престолъ имѣлъ уже ясное понятіе и о своемъ царственномъ долгѣ, и о состояніи своихъ подданныхъ. Много пользы въ этомъ отношеніи принесли ему его путешествія по Россіи и по Сибири, которыя онъ предпринималъ въ сопровожденіи Жуковскаго, еще будучи наслѣдникомъ.

Ясное понятіе о запросахъ и нуждахъ народа и отзывчивое, горячее сердце помогли ему вѣрно опредѣлить положеніе вещей. Государь сразу и безъ обиняковъ пошелъ навстрѣчу рождавшемуся общественному сознанию. Оно—это сознание—потребовало реформъ, т. е. переработки внутренней жизни государства на новыхъ гуманитарныхъ началахъ,—и государь рѣшилъ дать такія реформы.

Вспомнимъ хотя бы въ краткомъ перечнѣ, что было сдѣлано въ Россіи при императорѣ Александрѣ II.

Освобожденіе крестьянъ, реформа суда, городское и земское самоуправленіе, реформа военная, введеніе всеобщей воинской повинности, университетскій уставъ 1864 года. Въ своей совокупности всѣ эти новизны, прямо-таки, кореннымъ образомъ измѣнили внутреннюю жизнь государства. И что всего важнѣе, измѣнили ее безъ тяжкихъ потрясеній, безъ междоусобной борьбы!

Возьмемъ хотя бы крестьянскую реформу. Одна она была въ состояніи обезсмертить царствованіе Александра II—до того величаво и грандіозно было ея выполненіе!

Крестьянское иго давно уже было злокачественнымъ нарывомъ на тѣлѣ Россіи, и къ нему, прямо-таки, боялись подойти. Воля Екатерины II, Александра I и Николая I тщетно разбивалась при попыткахъ вскрыть его. Боялись возмущенія, вилѣли въ крѣпостномъ правѣ какіе-то неприкосновенные устои, которые,—если толкнуть ихъ,—увлекутъ въ бездну всю Россію. Теперь, когда мы давнымъ-давно привыкли къ новому порядку вещей, все это кажется страннымъ и смѣшнымъ, но тогда такіе взгляды были достояніемъ именитѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ людей въ Россіи—и бороться съ ними было весьма затруднительно.

И тѣмъ удивительнѣе, что дѣло крестьянской реформы прошло, сравнительно, очень быстро, прямо, съ неслыханной для того времени быстротою. Въ 1856 году былъ впервые учрежденъ особый комитетъ по крестьянскому вопросу, а въ 1861 году уже раздался по всей Россіи знаменательный слова манифеста: «Осѣни себя крестьянъ знаменіемъ, православный народъ!..» Въ пять лѣтъ была проведена колоссальная реформа, обновившая весь внутренній, частно-правовой строй въ государствѣ. И мы прекрасно знаемъ, что если бы не настойчивость и энергическая воля государя, то и крестьянская освободительная реформа затянулась бы. Богъ знаетъ, на сколько лѣтъ! Только ему одному, да его знаменитымъ сотрудникамъ, Ростовцеву, Ланскому и великому князю Константину Николаевичу русскій народъ обязанъ такимъ быстрымъ и радикальнымъ разрѣшеніемъ крѣпостного вопроса!

Освобожденіе крестьянъ было великою соціальною реформою: оно создало для русскаго общества нѣсколько миллионовъ новыхъ людей, которые до того времени были не людьми, а вещами. Оно возвысило и утвердило личность въ государствѣ, потому что общественное сознание, будучи свидѣтелемъ грандіознаго раскрѣпощенія миллионовъ людей, невольно обратило вниманіе на нихъ, какъ на обладателей отдѣльнаго гражданскаго «я», и поэтому значеніе всякаго человѣческаго «я» сразу поднялось и выросло въ нашемъ обществѣ.

А наряду съ такимъ возвышеніемъ отдѣльной личности началось развитіе коллективной личности: стала создаваться общественность. Этому способствовали дальнѣйшія реформы Александра II—новый судъ, общественное самоуправленіе, поднятіе народнаго образованія, общія повинности.

О судебныхъ уставахъ 1874 года написаны цѣлые трактаты, и трудно сказать что-либо новое объ ихъ чисто-юридическомъ значеніи. Но можно многое сказать объ ихъ общественномъ значеніи.

Вмѣсто того, чтобы прятаться въ тайникахъ кашаляри и имѣть дѣло лишь съ бумагами, судъ вышелъ въ парадныя залы публичныхъ засѣданій и сталъ обращаться къ живымъ людямъ: присяжнымъ засѣдателямъ, подсудимому, защитнику, гражданскому истцу. И этимъ обращеніемъ къ живому объекту, этимъ выходомъ въ общество новый судъ болѣе, чѣмъ какая-либо другая реформа, послужилъ къ развитію общественности. Главнымъ образомъ слѣдуетъ сказать это относительно суда присяжныхъ, который возникъ именно тогда—въ 1874 году, и который впервые привлекъ къ общественно-государственной дѣятельности отправленія правосудія простыхъ людей изъ общества.

Точно такъ же подняли общественность и дали выходъ общественнымъ творческимъ силамъ и реформы по городскому и земскому самоуправленію и по народному образованію. Такъ, напримеръ, университетъ получилъ по новому уставу 1864 года порядочную долю автономности.

Такое же объединяющее и широкое общественное значеніе имѣла и всеобщая воинская повинность. Она сблизила армию съ широкими слоями общества. Сблизенію этому значительно помогли и знаменитыя милютинскія (основанныя Д. А. Милютинимъ) общеобразовательныя военныя гимназіи, чуждыя специфически-кастового военнаго духа. Смѣшно вспомнить, какъ нападали въ свое время и на всеобщую воинскую повинность, и на Милютину! Милютина же упрекали въ уничтоженіи «истинно-военнаго духа». Война 1877 года однако доказала совершенно противное.

Таковы были отличительныя, характерныя черты государствен-

ных преобразований, проведенных Александром II: освобождение и развитие личности и общественности, переработка внутреннего строя на началах человечности и, вообще, мирная работа внутри страны.

Многое было недокончено (аграрная реформа), многое (напримѣръ, судъ) потерпѣло искаженія, но въ этомъ вина уже позднѣйшихъ годовъ.

Мы не коснулись внѣшнихъ событій въ Россіи за время царствованія императора Александра II. Ихъ было не мало: парижскій трактатъ, завоеваніе азіатскихъ государствъ—Коканда, Ферганской области, окончательное покореніе Кавказа; но блескъ и слава этого царствованія не въ нихъ. Нельзя однако не упомянуть о русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг.: эта война, начавшаяся вслѣдствіе желанія помочь гонимымъ единоумцамъ, тоже послужила немалымъ толчкомъ къ пробужденію общественности. Политическіе результаты ея, въ видѣ берлинскаго трактата, были ничтожны, но ея идейность и широкое общественное движеніе, которое охватило тогда Россію и заставило русскихъ людей сознательно и съ искреннимъ желаніемъ идти противъ турокъ во имя свободы гонимыхъ собратій—все это даетъ поводъ отмѣтить и эту войну, какъ одно изъ крупнѣйшихъ событій въ царствованіе Царя-Освободителя.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ скончался онъ. Но оглянемся на эти прожитые годы: не кажется ли намъ, что онъ скончался всего лишь въ прошломъ году?

Не существуетъ ли прямой преемственности между *его* временемъ и нашею эпохой? Не стоимъ ли мы лицомъ къ лицу съ тѣми же самыми вопросами и реформами, начало которымъ положилъ онъ?

Вотъ, на примѣръ, крестьянскій вопросъ. Освобожденіе крестьянъ ждетъ своего продолженія, и Россія теперь такъ же, какъ и въ

1861 году, испытываетъ необходимость разрѣшенія крестьянскихъ земельныхъ дѣлъ и устройства крестьянъ на новыхъ началахъ.

Вотъ вопросы образованія. Завѣты Милютина и Пирогова свѣжи у насъ въ памяти, и мы жаждемъ обновить школу, именно, по этимъ завѣтамъ. Мы возстаиваемъ университетскій уставъ 1864 года.

Вотъ вопросы самоуправления. Нужно ли говорить, что мы ждемъ дальнѣйшаго развитія завѣщанныхъ намъ Царемъ-Освободителемъ началъ: мы хотимъ идти впередъ и ждемъ участія не только въ самоуправленіи общественномъ, но и въ управленіи государственномъ.

Вотъ, наконецъ, вопросы личности и общественности. Личность опять поднимается: мы становимся полноправными и знающими свои права гражданами; общественность у насъ достигаетъ апогея своего развитія; стремленіе объединяться въ союзы, общества, партіи охватило всѣхъ насъ съ небывалой силой.

И такъ во всемъ. И невольно думается, что Россія живетъ сейчасъ прямымъ продолженіемъ 60-хъ, 70-хъ годовъ. Мы оглядываемся туда и сквозь мглу минувшей четверти вѣка любовно протививаемъ руки эпохъ Царя-Освободителя, который заложилъ своими реформами прочный фундаментъ всѣхъ нашихъ четырехъ свободъ.

Эпоха промежуточной четверти вѣка исчезаетъ. Но зачѣмъ же она была? Зачѣмъ же мы допустили нашу исторію такъ напрасно постарѣть на 25 лѣтъ?

Увы! Виною этому была трагическая кончина Царя-Освободителя. Если бы мы сберегли его, если бы не было страшнаго 1-го марта 1881 года, развитіе страны шло бы нормальнымъ путемъ. Исторія была бы моложе на четверть вѣка, а мы были бы на четверть вѣка старше!

Сказка о шести свадьбахъ.

Жилъ да былъ ученый докторъ, и звали его д-ръ Готфридъ Бухманъ. Кромѣ здоровой, рослой жены и маленькаго тѣлеславія, у него было шестеро взрослыхъ дочерей.

Д-ръ Бухманъ рѣдко бывалъ доволенъ. Жизнь его была печальная, безцвѣтная, и ее отравлялъ ему цѣлый рядъ кредиторовъ, которые, какъ извѣстно, принадлежатъ къ числу самыхъ пунктуальныхъ людей на свѣтѣ. Въ домѣ Бухмана уже не разъ собирався семейный совѣтъ. Оттилія, старшая изъ дочерей, вышла изъ возраста дѣтскихъ болѣзней и уже двадцать семь лѣтъ праздновала Рождество,—день, въ который она и родилась.

Оттилія должна выйти замужъ! Вотъ что всегда служило предметомъ обсужденій. Но за кого? Какъ извѣстно, нынѣшніе мужчины очень испорчены, а потому совсѣмъ не хотятъ жениться. Докторша Бухманъ это знала навѣрно.

— У грековъ и римлянъ было то же,—въ видѣ утѣшенія рѣшился вставить Готфридъ.

— Ахъ, что ты вѣчно толкуешь о своихъ грекахъ и римлянахъ. Гы бы ужъ давно могъ выдать замужъ дочекъ, если бы не мѣтилъ такъ высоко.

— Мои дочери не могутъ выйти замужъ за перваго встрѣчнаго. У д-ра Бухмана была своего рода гордость.

Какъ-то разъ Оттилія вошла въ его кабинетъ.

— Что тебѣ, милое дитя?

— Папа, я уже давно обсуждаю наше положеніе и рѣшила, что его нужно измѣнить. Насъ въ домѣ шестеро дѣвушекъ, и ни одна не зарабатываетъ ни гроша. Ты не позволяешь намъ поступить на мѣсто. Итакъ, намъ не остается ничего, кромѣ замужества. Я, какъ старшая, положу начало. Я обручусь съ Фрицемъ Вагнеромъ, нашимъ булочникомъ.

— Что-о-о?

Старый Бухманъ такъ и подскочилъ на мѣстѣ.

— Да, папа, съ нашимъ булочникомъ. Правда, онъ не знатокъ жизни древнихъ грековъ и римлянъ, но его дѣло идетъ хорошо. Если я выйду за него замужъ, ты не только отдѣлаешься отъ одной дочери, но и отъ одного кредитора. И какъ было бы хорошо, если бы мои сестры вышли замужъ такъ же разумно.

— Да вѣдь это ужасно. Скажи мнѣ, ты не больна?

— Ничуть. Я выхожу замужъ за моего Фрица. А если мнѣ не-премѣнно захочется читать Платона, я могу это дѣлать и въ пекариѣ. Къ тому же зимою тамъ такъ пріятно-тепло.

— Я вижу, мое дитя, что ты потеряна для меня.

— Или спасена. Мама уже радуется, что у васъ всегда будетъ хлѣбъ. Знаешь ли ты, сколько хлѣба мы сѣдаемъ въ годъ?

— Ну, тогда мнѣ дѣйствительно лучше отпустить тебя.

Оттилія вышла замужъ за булочника.

Отмѣна конституціи въ Венгріи.

(Политическое обозрѣніе).

Политическое развитіе Европы идетъ чрезвычайно неравно: какъ разъ въ то время, когда Россія вводитъ у себя конституціонный образъ правленія, въ сосѣдней съ нами Венгріи конституція отмѣняется на неопредѣленное время, и возстанавливается суровый абсолютизмъ. О первоначальныхъ поводахъ и постепенномъ развитіи разлада между венгерскимъ парламентомъ и пра-

Альму, вторую дочь, взялъ за себя Францъ Гейнерсъ, поставлявшій мясо семьѣ Бухманъ.

Теперь, въ этомъ прежде такомъ тихомъ домѣ, часто происходили маленькія пирушки, и въ немъ замѣчалось такое же изобиліе бифштексовъ, какъ и латинскихъ цитатъ.

Эмма, третья, вышла замужъ за торговца колоніальными товарами и, благодаря этому шагу, погасила долгъ въ 223 марки 63 пфенига.

Теперь въ домѣ Бухмана сыръ и колбаса не играли никакой роли.

Когда, во время ужина, докторша Бухманъ спрашивала мужа:

— Какого сыра ты хочешь—швейцарскаго или овечьяго?

Готфридъ презрительно отвѣчалъ:

— Ахъ, нѣтъ, я предпочитаю лососину.

Вотъ до чего дошло въ семьѣ Бухмана!

Четвертая, Минна, съ точки зрѣнія стараго Бухмана, вышла замужъ неудачнѣе всѣхъ. Она обвѣнчалась со столиромъ.

— Ну, какую выгоду принесетъ онъ намъ?—съ досадой спрашивалъ докторъ.

Но, когда въ послѣдствіи въ домѣ Бухмана многое было обновлено и заново отполировано, когда вмѣсто развалинъ кухоннаго шкапа появился чутъ ли не буфетъ, Готфридъ Бухманъ покорился судьбѣ.

Эльза, пятая, выбрала полотнящика. Это было прекрасно, потому что теперь докторша Бухманъ имѣла возможность обзавестись для всей семьи чуднымъ бѣльемъ.

Осталась только Анна—послѣдняя дочка.

— Ну, относительно ея мы можемъ позволить себѣ роскошь,—замѣтилъ Готфридъ Бухманъ.

— Какъ такъ?—спросила его милая жена.

— Она могла бы выйти замужъ за фотографа или за зубного врача. Тогда у насъ всегда были бы прекрасные портреты, или мы могли бы постоянно пломбировать себѣ зубы. Вѣдь все необходимое у насъ есть.

— Да,—отвѣтила жена:—а кто поставитъ намъ зимою уголь?

И какъ разъ такъ случилось, что Рихардъ Денкеръ, торговецъ углемъ, искалъ себѣ жену. Словомъ, вскорѣ всѣ шесть дочекъ пристроились.

И вотъ, отирая набѣжавшую слезу, докторша Бухманъ сказала:

— Это была воля неба!

Такъ старые Бухманы, уписывая даровые хлѣбцы, бифштексы, сыры, колбасы, важно покоясь на новыхъ креслахъ и стульяхъ, кутая свое развѣжившееся тѣло въ тонкое бѣлье и окруженные нѣсколькими дюжинами внуковъ и правнуковъ, чувствовали себя въ теплѣ и холѣ и дышали свободнѣе безъ древнихъ грековъ и римлянъ.

вительствомъ императора Франца-Иосифа читатели помнятъ по предшествовавшимъ обозрѣніямъ. Всеобщія надежды на возможность примиренія, поддерживаемыя въ теченіе долгаго времени аудіенціями Кошута и другихъ руководителей оппозиціонной парламентской коалиціи и бесѣдами ихъ съ престарѣлымъ императоромъ, въ концѣ концовъ не оправдались. Вопросъ о введеніи въ венгерской арміи команды на венгерскомъ языкѣ взаимнѣ нѣмецкаго, въ сущности, превратился въ вопросъ объ отдѣленіи венгерской арміи отъ австрійской, потому что разнорѣчіе команды уничтожаетъ всякое единство дѣйствій, оставляя только возможности

союзного слияния между независимыми друг от друга и внутренне обособленными армиями. В данном случае домогательства национального самолюбия венгерцев несомненно столкнулись с самым существенным интересом короны. Несмотря на все свое миролюбие, пойти на уступки не хотела, да пожалуй и не могла, ни та, ни другая сторона, так как для венгерцев подчинение немецкой военной команде означало бы отказ от мечты о независимой национальной государственности, а для австрийского правительства допущение венгерской команды в половинный наличных корпусов было бы почти равносильно разрыву унии. Используя все средства к мирному соглашению, императорское правительство прибегло к последнему, оставшемуся в его распоряжении: к распусшению парламента и временной отмене конституции.

Слух об этой решительной мере распространился в Буда-

удалье депутатов и публику. Публика шумела, пела песню Кошута. Гонимые заняли вслед за тем все помещение парламента, послѣ чего войсками были очищены также и окрестности парламента. Протестующей публики было, впрочем, немного, и вся демонстрация ограничилась только бурными аплодисментами по адресу выходящих депутатов графа Апоны и Андраши, перед которыми несли траурное знамя.

Таким образом из попытки защитить достоинство народного собрания перед силой штыков, в конце концов, ровно ничего не вышло. Население венгерской столицы отнеслось к событию довольно холодно. Очевидно, между парламентом и страной есть какое-то глубокое разногласие, а без твердой опоры в населении всякие протесты совершенно бессильны. На духовное одиночество парламента указывает отчасти и произведенная накануне его закрытия демонстрация предводимая социалистами довольно много-



Къ выборамъ въ Государственную Думу. Засѣданіе съѣзда торгово-промышленной партіи въ Москвѣ.

Пештъ за нѣсколько дней ранѣе и вызвалъ большое волненіе среди депутатовъ. Они рѣшили приготовиться къ «сопротивленію до послѣдней крайности», исполнить свой долгъ избранникамъ народа до конца и добровольно не сдаваться насилію войскъ. Предсѣдатель палаты Юсть приказалъ разорвать телефонъ, соединяющій ее съ министерствомъ, запереть все ворота, двери и не впускать войскъ и пр. Однако же въ самый день распусценія воинственный предсѣдатель даже не явился въ палату, сказавшись больнымъ, и его обязанности долженъ былъ исполнять вице-президентъ Раковский. Онъ торжественно заявилъ собранію, что зданіе парламента окружено войсками въ полномъ боевомъ вооруженіи, съ боевыми патронами въ ружьяхъ, и что два офицера подали ему отъ имени королевскаго комиссара два пакета. Такъ какъ передача императорскихъ рескриптовъ комиссарами закономъ не установлена, а должна состояться черезъ правительство, то палата единодушно выразила протестъ противъ нарушенія закона и постановила возратить пакеты комиссару нераспечатанными. Затѣмъ было назначено собраться на 8 февраля, и собраніе объявлено закрытымъ.

Черезъ пять минутъ послѣ закрытія засѣданія и послѣ того, какъ большинство депутатовъ покинуло залу, появилась полиція и одновременно съ нею полковникъ гонведовъ въ сопровожденіи четырехъ солдатъ съ примкнутыми къ ружьямъ штыками. Полковникъ, прочитавъ передъ почти пустыми скамьями рескриптъ, приказалъ

численной толпы, которая разбила окна въ національномъ казино при крикахъ: «да здравствуетъ общее избирательное право!»

Самый неконституціонный пунктъ королевскаго рескрипта заключается въ томъ, что, объявляя распусценіе парламента, онъ не указываетъ срока для назначенія новыхъ выборовъ. Такимъ образомъ, страна съ конституціоннымъ правленіемъ на неопредѣленное время остается безъ законнаго правительства, дѣйствующаго въ согласіи съ избранниками народа. Иного пути передъ правительствомъ не было, потому что новые выборы несомнѣнно повели бы къ еще большему усилению кошутовской партіи независимыхъ, съ которой оно борется. Королевскій комиссаръ можетъ угрожать, что разгонитъ военной силой всякую попытку собрать распусценную палату, но замѣнитъ собою законное правительство не въ его силахъ, а между тѣмъ все партіи уже издають манифесты о томъ, что прекращеніе дѣятельности парламента является въ то же время прекращеніемъ дѣйствія и самой конституціи, и что распоряженія исполнительной власти, выходящія за предѣлы предоставленныхъ ей закономъ правъ, не могутъ налагать на гражданъ законныхъ обязанностей, не могутъ требовать отъ нихъ взноса податей, исполненія воинской повинности и т. д. Войдя въ противорѣчіе съ закономъ, правительство уже поневоля должно идти все дальше и дальше по пути открытаго насилія. Въ виду противодѣйствія со стороны городской думы, начальнической полиціи, Руднай, закрылъ городское самоуправленіе «за превышеніе гра-